

УДК 165

Серегина Т.В.,
*кандидат философских наук,
 доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
 Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.*

Ульянов А.М.,
*аспирант кафедры логики, философии и методологии науки,
 Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.*

**Эволюция концептов власти и знания в философии постмодернизма: от
 Ж.Ф. Лиотара через М.Фуко к К.Ж. Агамбену**

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-143-153

В данной статье предпринимается попытка представить эволюцию концептов власти и знания в постмодернистской философии. Анализируются теоретические и практические последствия их конвергенции для гуманитарного знания в аспекте поиска новых способов объяснения социальной реальности. Рассматриваются некоторые общие особенности философствования, свойственные ситуации постмодерна. Важное место отводится анализу диспозитива «власть-знание» М.Фуко.

Ключевые слова: *ситуация постмодерна, власть, знание, диспозитив, дискурс, субъективация, биополитика.*

Seregina T.V.,
*candidate of Philosophy,
 Associate Professor of the Department of Logic,
 Philosophy and Methodology of Science,
 Orel State University named after I. S. Turgenev.*

Ulyanov A.M.,
*postgraduate student of the Department of Logic,
 Philosophy and Methodology of Science,
 Orel State University named after I. S. Turgenev.*

**Convergence of the concept of power and knowledge in the philosophy of
 postmodernism: from J.F. Lyotard via M. Foucault to J. Agamben**

This article attempts to present the convergence of the concepts of power and knowledge in postmodern philosophy. The theoretical and practical consequences of this convergence for the humanities in the aspect of finding new ways to explain social reality are analyzed. Some general features of philosophizing peculiar to the postmodern situation are considered. An important place is given to the analysis of

the dispositive «power-knowledge» by M. Foucault and biopolitics as a relatively new scientific discipline.

Keywords: *postmodern situation, power, knowledge, disposition, discourse, subjectivation, biopolitics.*

Человечество к середине XX века вошло в ситуацию постмодерна, которая существенно отличается от предшествующих и имеет ряд особенностей. Термин «постмодернизм», до этого использующийся преимущественно в искусствоведческих теориях, целенаправленно был введен в философскую и социологическую мысль Ж.-Ф. Лиотаром в 1979 году в его программной работе «Состояние постмодерна». «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [Лиотар, 1998: 10]. Кризис всеобъемлющих теорий, или метанарративов, объясняющих реальность строго в соответствии с заложенным внутри них смыслом, и, напротив, распространение и повышение ценности множества небольших повествований, свободно циркулирующих в эпистемологическом пространстве и конкурирующих друг с другом, – пожалуй, главная особенность ситуации постмодерна и постмодернистского мышления. Другой характерной эпистемологической особенностью данной ситуации стала, по словам Ж. Бодрийяра, гиперинфляция информации и дефляция смысла [Бодрийяр, 2015: 109]. Философия и гуманитарные науки, включая политологию и социологию, одновременно отошли от строгости академизма и выверенности терминологической и концептуальной базы и вышли на широкое поле интерпретаций и переосмыслений многих понятий и концептов, что неразрывно связано с деконструкцией смыслов или просто деконструкцией, главным концептом философии Ж. Деррида и, быть может, одним из главных для всей философии постмодернизма. В ситуации постмодерна, когда в эпистемологическом поле действительно произошла так называемая дефляция строгого смысла академических теорий, уложить понимание мира, как в прокрустово ложе, в рамки какой-то строгой теории, особенно философского и социологического толка, не прибегая к междисциплинарным связям, кросс-культурным отсылкам, метатексту и деконструкции, достаточно сложно. Поэтому в данной статье предпринята попытка рассмотреть эволюцию внутри философии постмодернизма концептов власти и знания с позиций междисциплинарного подхода.

Понятия власти и властных отношений традиционно относятся к области исследования политической теории и политологии, а понятие знания – к области эпистемологии, или теории познания. Власть в самом широком смысле принято трактовать как способность кого-то навязать свою волю кому-то. «Власть – это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [Вебер, 2016: 109]. Другое определение власти, во многом схожее с первым, но с акцентом на ее политический аспект, можно найти в книге «Современная идеологическая борьба: Словарь», в которой власть

описывается через политическое господство, а также возможность класса, другой социальной группы или личности осуществлять свою волю в разных сферах общества, оказывать определяющее воздействие на поведение и деятельность людей посредством насилия, права, убеждения и авторитета [Современная идеологическая борьба, 1988: 46]. Если обобщить эти трактовки в определение, наиболее подходящее для целей данной статьи, то под властью будет пониматься социально обусловленная сила, которая концентрируется в некотором политическом ядре: правителе, партии, государственном аппарате, а затем распространяется по телу всего общества, чисто внешне вовлекая его членов в политический процесс посредством различных механизмов подавления и контроля.

В современной эпистемологии под знанием принято понимать реальное положение дел, обоснованное фактами и рациональными аргументами убеждение человека [Филатов, 2008: 520–521]. Еще одно определение знания представлено в статье отечественного исследователя А.Л. Никифорова. Он суммирует основные черты научного знания, с которыми более или менее согласно большинство философов науки. «Знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений» [Никифоров, 2009: 2]. Если синтезировать представленные выше определения для целей данной статьи, то знание – это объективно достоверное представление о реальности, превосходящее сумму субъективных воззрений конкретных индивидов, основанное на силе разума и облеченное в строгую теорию с выверенным терминологическим и понятийным аппаратом. Коннотационно-стилистически и определение понятия власти, и определение понятия знания объединяет стремление к подчинению реальности в ее политическом и эпистемологическом аспектах, посредством давления внешних форм и раскрытия реальности в соответствии с предзаданными структурами и внутри строго очерченных рамок и смыслов. Что уже, по своей сути, противоречит тенденциям, сложившимся в постмодернистском мышлении.

В философии постмодернизма происходит существенная эволюция в понимании концептов власти и знания, выражаемая в их конвергенции, то есть взаимной обусловленности и дополняемости. Ж-Ф. Лиотар одним из первых из плеяды теоретиков постмодернизма проанализировал взаимосвязь между властью и знанием в контексте новой эпистемологической и политической реальности, провозвестником которой он сам и являлся. Потеря доверия к метанарративам: рациональной науке, религии, марксизму и т.п., которые объясняли реальность в соответствии с заложенными в них смыслами и ценностями, одновременно сопровождалась упадком легитимности и правомерности институтов: научное сообщество, церковь, государство и т.п., в которых эти метанарративы были сосредоточены. Как уже было отмечено, знание в такой ситуации становится фрагментированным и вырождается в разнообразные и часто конфликтующие между собой формы. Появляются новые сообщества, институты, объединения, которые генерируют собственные знаниевые дискурсы, каждый из которых правомерен обладать своими

собственными критериями подтверждения, верификации и легитимности. Подобная фрагментация бросает вызов идее единой, универсальной истины, превалирующей в традиционных эпистемологических теориях, и одновременно бросает вызов традиционному пониманию власти как централизованной и всеобъемлющей силы. Упомянутые объединения, сообщества и институты получают возможность узаконивать знания в пределах своих сфер влияния. Это приводит к децентрализации власти и возникновению сложной и динамичной сети властных отношений, в которой знания используются для утверждения локального авторитета и поддержания контроля в каждом из множества ограниченных и конкурирующих между собой дискурсов.

Приведем в качестве примера цитаты из работы Ж-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна». Первая будет касаться утраты легитимности на единоличное управление знанием и единоличное пользование результатами его применения национальным государством, а вторая, закономерно вытекающая из первой, установления весьма произвольных отношений между конкурирующими формами научного знания. «Допустим, к примеру, что фирма IBM получит разрешение на размещение на одной из орбит Земли коммуникационных спутников и/или банков данных. Кто к ним будет иметь доступ? Кто будет определять запрещенные каналы или данные? Будет ли это государство? А может оно будет только одним из пользователей? Появятся таким образом новые проблемы права и через них вопрос: кто будет знать?» [Лиотар, 1998: 21]. «[Условием легитимации служит] Либо гражданский закон, а он гласит: такая-то категория граждан должна совершать такого-то рода поступки. Тогда легитимация – это процесс, по которому законодателю оказывается позволенным провозглашать данный закон нормой. Либо научное высказывание, а оно подчиняется правилу: высказывание должно удовлетворять такой-то совокупности условий, чтобы восприниматься как научное» [Лиотар, 1998: 27]. Таким образом, в соответствии с мыслью Ж-Ф. Лиотара, внутри ситуации постмодерна некой абстрактной глобальной и претендующей на всеобъемлющее объяснение или подчинение реальности силе, свойственной большому нарративу, больше не стоит рассчитывать на прибежище ни в научном дискурсе, ни в национальном государстве. Место метанарратива, или тотального нарратива власти, или знания занимают конкурирующие между собой дискурсы, производящие собственные властные и знаниевые отношения.

Ключевой фигурой в изучении связи между понятиями власти и знания в постмодернистской философии является французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко, взглядам на власть и знание которого будет посвящена значительная часть данной статьи. М. Фуко разработал оригинальный концепт, или диспозитив, «власть-знание», ставший центральным для всей его философии. Этот диспозитив используется им для анализа взаимосвязи между властью и знанием в современных обществах, а также для ретроспективного отражения того, как власть и знание взаимно усиливали друг друга практически на всем протяжении исторического развития обществ.

Вначале необходимо рассмотреть теорию познания М. Фуко, в рамках которой он, с присущей большинству философов-постмодернистов критикой метанарративов, обрушивается на традиционные представления о целостной системе знания и возможности постижения объективных условий установления истины, в первую очередь, на кантовское понятие априори, понимаемое как доопытное знание, универсальное для всех людей. В своей ранней работе 1966 года «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» М. Фуко исследует исторические трансформации западного знания в разные культурные эпохи и стремится раскрыть принципы, лежащие в основе эпистемологических допущений и систем, которые формируют организацию знания в разные исторические периоды. Для этих целей М. Фуко вводит оригинальное понятие эпистемы.

Эпистема есть обусловленное исторически культурно-когнитивное априори, совокупность правил и отношений в конкретном месте и времени. «Это априори в определенную эпоху вычленяет в сфере опыта пространство возможного знания, определяет способ бытия тех объектов, которые в этом пространстве появляются, вооружает повседневное наблюдение теоретическими возможностями, определяет условия построения рассуждения о вещах, признаваемого истинным» [Фуко, 1994: 188]. Теоретическое раскрытие и углубление понятия эпистемы (и/или исторически обусловленного *априори*) подрывает притязания кантовского понимания *априори* на всеобщность, объективность и достоверность, а также разбивает метанарратив накопительного знания на многие нарративы и дискурсы, культурно, социально и исторически обусловленные. Тем самым М. Фуко посягает на знание в его самой чистой или доопытной форме, казалось бы, закономерно претендующей на объединение и своеобразную унификацию интеллектуальных возможностей человеческих индивидов. Что же тогда говорить про эстетические, этические, научные, религиозные дискурсы и нарративы, чья историческая зависимость и относительность их способов легитимации, доказательности и верификации, уже рассмотренных Ж.-Ф. Лиотаром.

Далее следует рассмотреть теоретические воззрения М. Фуко на феномен власти и властных отношений. Фундаментальное отличие его взглядов от концепций власти, широко распространенных в традиционной политической теории, заключается в том, что для него власть – это не социально-обусловленная сила, которой обладают отдельные лица или институты, а всепроникающая и постоянно меняющаяся в различных своих проявлениях сеть, пронизывающая и покрывающая все тело общества. М. Фуко утверждает, что власть – это не то, что осуществляется сверху вниз: от государства или правящих элит к общественной массе, но то, что рассредоточено и непрерывно действует через множество каналов связи и взаимоотношений, которыми пронизано все общество.

В своей известной работе 1975 года «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» М. Фуко пишет: «Исследование микрофизики власти предполагает, что отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия, что воздействия господства приписываются не «присвоению», а механизмам,

маневрам, тактикам, техникам, действиям. Что надо видеть в ней сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать. Что следует считать ее моделью скорее вечное сражение, нежели договор о правах и имуществе или завоевание территории. Словом, эта власть скорее отправляется, нежели принадлежит; она не «привилегия», приобретенная или сохраняемая господствующим классом, а совокупное воздействие его стратегических позиций – воздействие, которое обнаруживается и иногда расширяется благодаря положению тех, над кем господствуют» [Фуко, 1999: 41]. И снова подрыв метанарратива централизованной власти. Власть лишается легитимного центра, разбивается на отдельные фрагменты, циркулирующие по социальному телу в соответствии со своей собственной частной логикой. Подобная фрагментация и рассредоточение власти способствуют еще большему порабощению индивида. Если от властвующего центра можно было укрыться, отойдя на периферию (если сравнить социум с плоскостью или полем), то потеря центра и рассредоточение власти по всей поверхности, включая и периферию, лишают этой возможности.

Согласно М. Фуко, власть и знание усиливают и дополняют друг друга. Это не только позволяет в очередной раз акцентировать внимание на неизбежной конвергенции данных понятий в постмодернистской философии, но и точнее раскрыть суть каждого из них в отдельности. М. Фуко утверждает и доказывает, что власть и знание взаимно обуславливают друг друга: власть производит знания, а знания, в свою очередь, укрепляют и узаконивают власть. Стоит сказать, и это отмечает он сам, что такое положение дел не является исключительным для XX века. Конвергенция власти и знания – явление историческое. Все дело в оптике рассмотрения. Философы-постмодернисты, и М. Фуко, естественно, первый из них, со своим недоверием к метанарративам как к чему-то центрирующему, авторитарному и всеохватному, со своей критикой рационализирующих теорий, в рамках которых всему можно найти логичное объяснение, смещают оптику на скрытое, неочевидное, но тем не менее постоянно неявно присутствующее в социальной, культурной и исторической реальности – на сложную сеть отношений власти и знания.

Для раскрытия сущности диспозитива «власть-знание» необходимо ответить на два вопроса: как власть действует посредством производства и распространения знаний и как знания используются для легитимации и укрепления властных отношений?

Как уже было отмечено, по мысли М. Фуко, познание не является единым и когерентным процессом, линейно накапливающим и раскрывающим/уточняющим знания (посредством экспериментально установленных фактов, теорий, гипотез) по мере исторического и эволюционного развития человечества, что свойственно метанарративу об эволюции, в том числе нарративу эволюционной эпистемологии. Напротив, для него познание характеризуется прерывистостью, что соотносится с разрывами между сменяющимися друг друга эпистемами, плохо или вообще не связанными между собой.

Внутри таких эпистем формируются дискурсивные формации или дискурсы – еще один видный теоретический концепт М. Фуко. Под дискурсом, или дискурсивной формацией, понимается совокупность языковых практик, практик говорения, то есть совокупность когнитивных отношений между понятиями, теориями и высказываниями, которые формируют и управляют процессами производства и распространения знаний, легитимируют, что будет считаться истинным или ложным, определяют методы верификации и доказательности и т.п. «Каким бы парадоксальным это не казалось, но дискурсивные формации располагают иной моделью историчности, нежели течение сознания или линейность языка. Дискурс, по крайней мере, дискурс, являющийся предметом анализа археологии, – то есть взятый на уровне позитивности, – это не сознание, которое помещает свой проект во внешнюю форму языка, это не самый язык и, тем более, не некий субъект, говорящий на нем, но практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности» [Фуко, 2004: 311]. Дискурсивные формации не являются нейтральными, они пронизаны динамикой властных отношений.

Например, медицинский дискурс определяет, что подразумевать под «здоровым» или «нормальным» телом, а что под «больным» или «требующим медицинского вмешательства». Юридический дискурс определяет, что является «преступным», или «девиантным» поведением, а что «законным» и «допустимым» и т.п. Различные дискурсы не только используются теми, кто находится у власти, для поддержания своего авторитета и контроля над другими, но, что является принципиально важным для всей концепции М. Фуко, намеренно и непроизвольно нормируют общество и формируют поведение индивидов, находящихся в нем. Во втором случае власть конкретного дискурса выходит далеко за границы допустимости его применения, изначально ему присущие, что служит убедительной иллюстрацией того, какой силой, несравнимо более могущественной, чем сила суверена, обладает такая дисперсная власть, распространившаяся по всему телу социума.

Как уже отмечалось, согласно М. Фуко, власть осуществляется не только посредством прямого подавления, но преимущественно с помощью дисциплинарных методов, которые формируют поведение и знания индивидов. Дисциплинарные учреждения: тюрьмы, школы, больницы, заводы, фабрики – места отправления и осуществления власти в социуме – используют методы наблюдения, обследования, контроля и нормализации для регулирования поведения отдельных лиц и целых социальных групп, в них содержащихся. Все это крайне эффективно для выработки у индивидов конкретных знаний и навыков, знаний об окружающей их реальности и, наконец, знаний о самих себе, что, в конечном счете, влияет на формирование их субъективности. По мысли М. Фуко, современное представление о субъективности – историчный и достаточно недавний процесс, получивший толчок к своему развитию одновременно с развитием клиники и институализацией безумия. Подобная

институционализация безумия включает в себя объективацию индивидов, помеченных как «сумасшедшие», или «психически больные».

Когда людей помещают в психиатрические учреждения, подвергая их медицинским диагнозам и лечению, классифицируя их переживания как симптомы психических расстройств, их субъективность превращается в объекты медицинских знаний и вмешательства. Эта объективация сводит сложность их жизненного опыта и идентичности к набору симптомов, подлежащих изучению, наблюдению и лечению. «Язык есть начальная и конечная структура безумия. Он – основополагающая форма безумия, он служит основой для всех циклов, через которые оно высказывает свою природу. Тот факт, что сущность безумия можно в конечном счете свести к простой дискурсивной структуре, отнюдь не придает ему чисто психологической природы, но наделяет его властью над целостным единством души и тела; дискурс этот – одновременно и тот безмолвный язык, на котором ум общается сам с собой в своей истине, и зримый связующий элемент телесных движений» [Фуко, 2010: 284] В результате люди могут прийти к пониманию самих себя в первую очередь через призму своего диагностированного состояния, соответствующим образом формируя свое самовосприятие и субъективность, то есть находясь в институционализированном дискурсе о безумии.

Диспозитив «власть-знание» М. Фуко, особенно в той своей части, которая затрагивает вопросы нормализации общества, стандартизации поведения индивидов и формирования субъективности, послужил базой для создания относительно новой (введение в гуманитарно-научное поле датируется, примерно, 1980-ми годами) самостоятельной дисциплины – биополитики, или биовласти. Биополитику М. Фуко описывал как новую технологию власти, которая существует на другом уровне, в другом масштабе, нежели власть дисциплинарная, и направлена, в первую очередь, на захват биологического тела индивида и шире тел популяции – биомассы [Фуко, 2005: 259]. М. Фуко определял биовласть следующим образом: «...я понимаю под этим [биополитикой] то, как, начиная с XVIII в., пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство ... Мы знаем, какое все возрастающее место занимают эти проблемы, начиная с XIX в., и какие политические и экономические цели они конституируют по сей день» [Фуко, 2010: 405].

Конвергенция власти и знания в контексте биополитики особенно очевидны. Механизмы осуществления биовласти схожи с механизмами осуществления дискурсивных формаций. Только биовласть затрагивает еще шире недискурсивные практики общества, не оставляя индивиду никакого шанса избежать ее воздействия, вторгаясь в пространство его тела, понимаемого исключительно как объект ее вмешательства. Биовласть устанавливает нормы и стандарты, которые определяют, что в данном социуме будет считаться «нормальным», а что «ненормальным» в области жизни,

здоровья, поведения и социальных ролей, то есть, в конечном счете, во всех областях субъективации индивида. Биополитика действует посредством методов классификации, категоризации, сбора статистических данных, которые позволяют идентифицировать и классифицировать как отдельных индивидов, так и целые социальные группы и популяцию в целом, и проверять их на соответствие этим нормам или отклонение от них. Следовательно, речь идет о тотальном контроле и одновременно бесконтрольном вмешательстве в жизнь индивида не только в ее социальном, но и биологическом аспектах.

Теорию биовласти продолжает и во многом углубляет в своих работах Дж. Агамбен, современный итальянский философ, чьи политические работы легли в основу актуального понимания биополитики. Дж. Агамбена, конечно, нельзя отнести к философам-постмодернистам в строгом смысле, тем не менее, на его взгляды, особенно в области политической теории, значительно повлияли, в частности, концепция М. Фуко о биовласти и его диспозитив «власть-знание», рассмотренные выше. Дж. Агамбен ещё более расширил понимание диспозитива «власть-знание». «Еще больше расширяя и без того обширный класс аппаратов М. Фуко, я буду называть диспозитивом буквально все, что каким-либо образом обладает способностью улавливать, ориентировать, определять, перехватывать, моделировать, контролировать или закреплять жесты, поведение, мнения или дискурсы живых существ. Следовательно, не только тюрьмы, сумасшедшие дома, паноптикум, школы, исповедальни, фабрики, дисциплины, судебные меры и так далее (связь которых с властью в определенном смысле очевидна), но и перо, письменность, литература, философия, сельское хозяйство, сигареты, навигация, компьютеры, сотовые телефоны и – почему бы и нет – сам язык, который, возможно, является самым древним из аппаратов – тем, с помощью которого тысячи и тысячи лет назад примат непреднамеренно позволил захватить себя в плен, вероятно, не осознавая последствий, с которыми ему предстояло столкнуться» [Agamben, 2009: 14]. В этом определении уже очевидно включение в область репрессивного воздействия диспозитива «власть-знание» недискурсивных практик и даже, казалось бы, совершенно обыденных вещей, практик и поведенческих привычек. Следовательно, человек перманентно испытывает воздействие децентрализованной власти, рассредоточенной в повседневных социальных практиках, в способах отношения человека к другим индивидам и к самому себе. Расширяя и углубляя рассмотренную выше мысль М. Фуко о дискурсивной природе субъективности, Агамбен отмечает, что диспозитивы осуществляют различные способы субъективации. От воздействия таких диспозитивов невозможно скрыться, так как именно они конструируют привычную человеческую реальность, в которую тот погружен с самого рождения. «... в наши дни не осталось ни одного момента, который не был бы моделирован, заражен, контаминирован или контролируем каким-либо диспозитивом» [Агамбен, 2012: 27].

В гуманитарных науках до сих пор не существует теоретического единства относительно понимания концептов власти и знания. Это свидетельствует как о колоссальной сложности и глубине анализируемых

концептов, так и о необходимости выбора комплексного и междисциплинарного подхода при их исследовании. Выход за строгие рамки академической теории, недоверие к большим нарративам, стремящимся все объяснить и рационализировать, междисциплинарный характер гуманитарного знания и его свободная циркуляция в общем гуманитарном пространстве, свойственные ситуации постмодерна, позволили прийти к определенной эволюции концептов власти и знания. В философии постмодернизма сделан акцент на концептуальной конвергенции данных понятий, выраженный в их взаимодополняемости и взаимообусловленности на протяжении всего исторического развития социума. Новый взгляд на сложную динамику властных и знаниевых отношений имеет не только теоретическую, но и практическую ценность. Диспозитив «власть-знание», введенный М. Фуко и углубленный его последователями, стал своеобразной квинтэссенцией понятийной конвергенции власти и знания и заложил фундамент актуального понимания биополитики, гендерных теорий, критических теорий социальной медицины и других областей гуманитарного знания. Углубление анализа отношений власти и знания позволяет объяснять многие аспекты социальной реальности, включая практики отношений между индивидами внутри социума и практики отношений человека к самому себе, то есть процесса субъективации. Понимание реальности – первый и, возможно, главный шаг на пути к ее трансформации и адаптации к новым вызовам и проблемам, с которыми человечество сталкивается и будет сталкиваться впредь.

Список литературы

Агамбен, 2012 – *Агамбен Дж.* Что современно? / пер. с итал. Киев : ДУХ І ЛИТЕРА, 2012 . 78 с.

Бодрийяр, 2015 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с.

Вебер, 2016 – *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445с.

Лиотар, 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Никифоров, 2009 – *Никифоров А. Л.* Анализ понятия "знание": подходы и проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2009. № 3. С. 61–73

Современная идеологическая борьба, 1988 – Современная идеологическая борьба: Словарь / Под общ. ред. Н. В. Шишлина; Сост. С. И. Беглов. М.: Политиздат, 1988. 431 с.

Филатов, 2008 – *Филатов В. П.* ЗНАНИЕ // Большая российская энциклопедия. Том 10. Москва, 2008. 973 с.

Фуко, 2004 – Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

Фуко, 2010 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; [пер. с фр. И. К. Стаф]. М.: АСТ, 2010. 698 с.

Фуко, 1999 – Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Фуко, 2005 – Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

Фуко, 2010 – Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко; [пер. с фр. А. В. Дьякова]. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 446 с.

Фуко, 1994 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. СПб., А-сad, 1994. 407 с.

Agamben, 2009 – Agamben G. "What is an Apparatus?" in What is an Apparatus? And Other Essays. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 14.

УДК 740

Иваненко И.Н.,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет.*

К вопросу о проблематике отечественной бюрократии: социально- философское рассмотрение

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-153-167

Статья представляет собой попытку непредвзятой оценки роли отечественной бюрократии в контексте социально-исторического процесса. При всей разноплановости имеющихся теоретических подходов к феномену отечественной бюрократии анализ исторических фактов показывает, что эффективность продемонстрировала только централизованно спаянная авторитарная модель, обеспечивающая реализацию мобилизационного потенциала. В ходе исторической эволюции государственного аппарата сформировалась политико-управленческая традиция – исторически сложившаяся, устойчивая и повторяющаяся система норм и правил, определяющая тип отношений прежде всего в рамках политико-административной сферы. В настоящий момент отечественная бюрократия представляет собой одно из основных противоречий для национальной общественной системы, играя одновременно роль тезиса и антитезиса. С одной стороны, сложившийся государственный административный аппарат